

ШАВА 1

Ей самое время было умереть. Смысла в дальнейшем пребывании на этом свете она не видела. Особенно после того, что она натворила.

Или не она?

Горькое горе растянуло ее губы в страшную улыбку еще час назад. С того момента она застыла на ее лице, не исчезая. Это была скорее судорога, а не улыбка. Судорога острой боли, пробившей весь ее организм.

Может, ее парализовало в ту минуту? Может быть, может быть...

Странно, но сама мысль об этом несколько ее не напугала. Как не напугала перспектива сделаться беспомощной и никому не нужной. Она и так никому не нужна. И жить ей осталось всего ничего, каких-то пару часов. И умрет она частично парализованной или здоровой — неважно. Хотя нет. Для осуществления того, что она задумала, ей нужны силы — физические. Иначе никак. Иначе не получится.

На всякий случай она сжала и разжала кулаки. Пальцы прекрасно справились. Уже неплохо. Она влезла в карман длинного пальто, нащупала телефон, вытащила его и посмотрела на экран.

Ни одного сообщения. Ни одного пропущенного вызова. Могла бы не стараться и не ставить его на беззвучный режим. Ее никто не хватился. Почему-то от этой мысли стало еще больнее. Инга плотнее запахнулась в пальто, зажмурилась и постаралась вернуть лицу серьезное выражение, но проклятый рот продолжал улыбаться.

— Здесь куда? — отвлек ее от тяжелых мыслей голос водителя такси.

Инга резко распахнула глаза, присмотрелась. В сгущающихся сумерках знакомая улица казалась чужой. Новенькие изгороди, красивые дома, высокие деревья. Проезжая часть огорожена бордюрным камнем. Да не было тут никогда такого! Полынь по пояс с крапивой по обочинам. Может, не там свернули?

— Да нет. Навигатор точно ведет, — ткнул пальцем в телефон водитель. — Ваша улица. Только номера дома не нахожу.

Она наконец узнала то место, где прошла ее молодость — по кривой березе, которую до сих пор никто не осмелился срубить.

— За березой налево. Там тупик. И мой дом, — отрывисто произнесла она, чувствуя странный спазм в горле.

На самом деле дом когда-то принадлежал ее тетке. У нее Инга жила два года, когда оканчивала школу, и после еще пять лет, пока заочно училась в Москве на экономиста. Потом уехала, вышла замуж и почти ей не звонила. Тетка заболела и умерла в одиночестве. На похороны Инга не попала. Ее слишком поздно нашли. Ни у кого не оказалось контактов. Приехала через пару ме-

святцев, совершенно случайно обнаружив в риелторской газете бесплатных объявлений заметку о продаже дома.

Приехала, а тут...

— Остановите у калитки, — попросила она.

Таксист послушно остановил машину. Инга расплатилась, вышла на улицу и задрала голову. Надо же, все тот же фонарь — с ржавым колпаком и тусклым светом. Помнится, дико скрипел на ветру, нагоняя на нее тоску в ненастье. Думала, таких уже и нет. Света от него — на два метра в радиусе. Палисадник, дорожка к крыльцу, сам дом — все тонуло в темноте.

И хорошо. Для того, что она задумала, прожекторов не надо. Даже легче будет шагнуть из одной темноты в другую. Красивый мир покинуть сложнее. Намного сложнее.

Идти на высоких каблуках по старой дорожке, выложенной речным камнем, было страшно неудобно. Она спотыкалась, скользила и без конца хваталась за ветки жасмина, чтобы не упасть. Наконец носы ее коротких сапожек уперлись в нижнюю ступеньку. Шершавые перила. Три ступеньки. Расшатанная притолока. Слева сверху за ней — ключи от двух замков. Оставила соседям, чтобы присматривали и зимой дом протапливали.

Ключи были на месте. Замки нашлись быстро и открылись без скрежета. Толкнув дверь, она вошла в узкий коридор. Пахло сушеной мятой и смородиновым листом. Здесь всегда так пахло, сколько она себя помнила. Два шага вперед. Еще дверь. За ней тесная кухня. У входа всегда стояла табуретка. Старая, дубовая, прочная, не-

убиваемая. Тетка каждый год обновляла на ней краску, меняя цвета, и никогда не повторялась. Интересно, какого цвета табуретка теперь? Когда Инга приезжала сюда в последний раз, то даже не взглянула влево и не заметила.

Ничего не заметила. Все пропустила, даже творившееся прямо у нее под носом. Как в аквариуме жила. Создала себе превосходные условия, составляющей частью которых была забота о муже, и думала, что все всех устраивает. Раз ей хорошо, значит, и всем тоже. И главное — ему! А все не так, все было иначе, просто она не замечала. Или старалась не замечать. Верила — или старалась верить любому его вранью.

Истории, которыми он ее потчевал, были складными, да! Взгляды — чистыми, слова — искренними. Как могло случиться то, что случилось?!

Инга шагнула влево и тут же наткнулась на табуретку. Стоит все там же, надо же! Она осторожно опустилась на нее, привалилась спиной к стене и уставилась в темноту старой кухни. Очень было темно, очень. И она могла бы, да, могла включить свет — выключатель как раз над ее головой. Или хотя бы фонарик на мобильном. Но сама мысль о том, чтобы помочь себе, казалась ей противной.

Она не заслужила никакой помощи, ни постоянной, ни собственной. Она глупая, хотя считала себя очень умной и проницательной. И вот ее ум и проницательность поимела парочка влюбленных, даже особенно не напрягаясь! Походя так, почти весело.

Эта сладкая парочка сегодня отмечала в одном из шикарных ресторанов пятилетие своих отношений. Были гости. Много гостей — нарядных, именитых. Они пили за первый юбилей красивых отношений возлюбленной пары. Звучали тосты, поздравления, подносились дары.

А она...

Она пряталась за колонной, сумасшедшими глазами смотрела на все это действие и силилась угадать: кто же из этих нарядных гостей позвонил ей час назад и вызвал ее сюда?

Может, та блондинка, что криво ухмылялась, аплодируя жарким обнимашкам возлюбленной пары? Ухмылялась и много пила.

Или тот сердитый усатый дядька, что не сводил глаз со счастливой избранницы? Он пожирал ее глазами, раздевал и мысленно проделывал с ней всякие грязные вещи. И злился, потому что этому не сбыться — тонкую талию обнимает чужая рука. Сильная мужская рука с обручальным кольцом на правом безымянном пальце.

И это кольцо на его палец надела она — Инга! Три года назад, когда они поженились!

Их браку три года. А отношениям со стройной рыжей девушкой — пять. Как так?! И это было первое, что она выкрикнула, выходя из-за колонны, где устала прятаться.

«Пять лет, Игорь? Серьезно? Как такое возможно?! Кому из нас ты изменял в итоге? Ей или мне?»

В этот момент ей показалось, что она оглохла, так сделалось тихо в ресторанном зале. Где-то ложка упала на бетонный пол, и снова тишина. Потом зашуршал шепоток:

— Кто это?.. Кто?.. Жена?.. Да ладно!.. Игорь женат?.. Не на Марго?..

Под этот сдавленный шепот она стремительно пробиравалась к центральному столу, где мину-ту назад под аплодисменты отцеловалась возлю-бленная пара. Дошла. Остановилась. Глянула на Игоря.

Он не выглядел смущенным или виноватым, нет. Он выглядел удивленным. Ее появление его всего лишь удивило, не более. Он ровным голо-сом спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Даже не назвав по имени!

— Я приехала помочь тебе, дорогой.

— Помочь? — Его девушка отчаянно заморга-ла, переводя взгляд с одного огромного пакета на другой.

Эти туго набитые черные мусорные мешки на сто пятьдесят литров каждый стояли у ног Инги.

— Помочь в чем? — повторила девушка уди-вительно красивым, мелодичным голосом.

— Помочь собраться, — процедила Инга сквозь зубы.

И за мгновение усеяла танцпол ресторанный зала тем, что было в пакетах — вещами ее лю-бимого мужа. Она успела сорвать их с вешалок и запахать в мешки, когда получила вызов на тор-жество. Вызов с комментариями..

Инга смотрела в непроглядную темень тесной кухни, но видела совсем другое.

Раздраженное лицо мужа, когда она разбро-сала его вещи по ресторану. Удивление и радость на лице девушки.

«Вот видишь, Игорек, а я тебе говорила...» — приблизительно так читалась ее радость.

С гостями все было более или менее понятно. Для них это стало еще одним развлечением на сегодняшний день. Ни одного сочувственного вздоха. Ни одного жалостливого взгляда. Она себя жалела. Они — нет. А потом Игорь попросил ее уйти. Не сделав ни единой попытки хотя бы извиниться, сказал, снова не назвав ее по имени:

— Тебе лучше уйти.

Она ушла. Поймала такси, потому что не могла сесть за руль в таком состоянии — не сумела бы отъехать со стоянки и пары метров. Села в чужую машину и попросила отвезти ее в соседний поселок, где когда-то прожила целых пять лет после того, как окончила школу. И до этого два.

И вот она здесь для того, чтобы умереть. А ведь совершенно не подготовлена! В петлю лезть однозначно не хочется. В ванную, чтобы вскрыть вены, не выйдет — для этого надо запустить газовую колонку, нагреть воды. Пока станет хлопотать, возможно, передумает, а она не имела права. Твердо решила: жить она не станет.

Инга чуть привстала, дотянулась до выключателя, щелкнула им. Тусклый свет маленькой лампочки под старым абажуром выхватил из темноты знакомую обстановку: стол у окна под яркой клеенкой. Три венских стула с растрескавшимся лаком. Старинный сервант с хорошей посудой — тетка любила красивый фарфор. Икона в углу. Большой холодильник, шнур от него валялся на полу — соседи отключили, она просила. Рядом с холодильником пустая раковина.

Все привычное и чужое. Не ее. И жизнь ее уже ей не принадлежит. Смысл у нее забрали сегодня. Забрали...

Неожиданно всплывшее в сознании слово потащило за собой размышления. И вывод родился скоро.

Раз все так сложилось, что смысл жизни был украден, то пусть и жизнью ее кто-нибудь распорядится, не она сама. А где удобнее всего это сделать? А удобнее всего это сделать на дороге! Почти ночь, темно, накрапывает дождь. Если она выскочит на дорогу перед машиной, вряд ли водитель сумеет совершить маневр. А чтобы никого не подставлять, она напишет записку и положит ее в карман.

Все! Она решила.

Инга порылась в сумочке, нашла старый чек из супермаркета длиной сантиметров двадцать точно, перевернула его и карандашом для глаз сделала лаконичную запись: «Никого не виню, все сама решила и сделала». Расписалась и поставила дату. Свернула изнанкой внутрь, уставилась на ровные строчки и вспомнила.

Покупок в тот день было много. Они делали их с Игорем. Хватали все подряд, забывая тележку доверху. И хорошо было им, спокойно, весело. Ничто, как говорится, не предвещало. Набили четыре пакета. Вместе несли до машины. Ей он отдал те, что легче. Заботу тем самым проявил, сволочь! Дома на кухне вместе разбирали покупки, составляли меню на вечер субботы.

Тем счастливым днем была суббота. Последняя счастливая суббота в ее жизни.

Она выключила свет и вышла на улицу. Встала в пяточок света, который был очерчен старым фонарем, покрутила головой. Гул с автотрассы шел справа, туда она и повернула. На ее памяти на этом участке улицы стояло четыре старых дома. Бревенчатые срубы с резными наличниками, яркими цветами в палисаднике и раскидистыми яблонями вдоль низких оград. Сейчас на месте двух старых домов велась стройка, освещаемая со всех сторон яркими прожекторами. Их острые лучи доставали до поворота и до деревьев вдоль дороги. Было светло как днем. Третий дом стоял заколоченным. В четвертом, сразу в трех окнах, выходящих на дорогу, горел свет.

Сразу за этим домом дорога поворачивала влево, и через десять метров — съезд на автотрассу. Гул пронесившихся по трассе машин был почти оглушительным. Или это ей так казалось? Каждому грешнику легкий треск костра кажется ревом адского пламени. А она задумала грех!

Инга неожиданно остановилась, облокотилась об изгородь, нашарила в кармане посмертную записку и впервые засомневалась.

А почему, собственно? Зачем? Кого радовать? Этой вертлявой сучке с копной рыжих кудрей так запросто расчистить дорогу? Никто не настаивает на борьбе, но никто и не заставляет ее уходить. Чего она вдруг решила именно так?

Дверь крайнего бревенчатого дома с грохотом и страшным скрипом отлетела в сторону. По деревянным ступенькам кто-то быстро сбежал. И рванул дальше — к калитке. Это была жен-

щина. Она торопилась, всхлипывала и без конца выкрикивала:

— Помогите кто-нибудь! Спасите...

Негромко — может, знала, что никого вокруг нет. Или опасность была ею преувеличена.

Но Инга, сама не понимая почему, оттолкнулась от изгороди и шагнула в тень.

Женщина выскочила за калитку, остановилась и закрутила головой.

Она была еще достаточно молодая и высокая. Запущенная стрижка на темных волосах. Широкие длинные джинсы. Инге показалось, что они не ее — она без конца их поддергивала на талии. И джемпер явно с чужого — мужского — плеча, а обуви нет вовсе. Молодая женщина стояла босиком на ледяном асфальте на прибитой мелким дождем пыли. Ни сумки при ней, ни телефона. Иначе она бы уже вызывала полицию.

— Помогите же кто-нибудь! — так же тихо и неубедительно воскликнула женщина и сделала пару шагов в сторону автострады.

Она не смогла уйти дальше. Следом за ней на дорогу выбежал мужчина. Рассмотреть его лицо Инге не удалось. Он был в черной крутке с капюшоном. Спортивные штаны плотно обтягивали крепкие, накаченные ноги. Высокие кожаные ботинки на шнуровке. Тупой нос левого вдруг с силой ударил сбежавшую босую женщину в область поясицы. Она громко застонала и упала на колени.

— Ты куда собралась, тварь?! — не заботясь о том, что их могут услышать, заорал мужчина. — Я что тебе сказал? Сидеть и ждать! А ты что?

— Я не хочу домой. Я устала. Я не хочу домой, — мелко затрясла головой стоявшая перед ним на коленях женщина. — Отпусти меня! Отпусти меня, пожалуйста! Отпусти!

Тот, кого она просила, умоляла, левой рукой схватил ее за волосы и резким движением поднял с коленей.

— Я велел тебе меня ждать! — просипел он и полез в правый карман черной куртки. — Я велел тебе меня ждать!

Дальше все произошло быстро и было таким ужасным и беспощадным, настолько не вязалось с реальностью, в которой Инга привыкла существовать, что она не помнила, как сползла в глубокую траншею, на краю которой балансировала несколько последних минут.

Может, эту яму подготовили для каких-то своих целей строители, или хозяева заброшенного, заколоченного дома собирались здесь что-то сажать или возводить. Кто-то вырыл яму и забыл. Грунт размыло частыми дождями, края обвалились и заросли со временем высоким бурьяном. Но именно эта траншея спасла ей жизнь, с которой она еще десять минут назад с такой легкостью собиралась распрощаться.

На ее глазах только что произошло убийство! Самое настоящее, не театральное. Человек в черной куртке вытащил из правого кармана что-то узкое и блестящее и трижды этим ударил молодую женщину в бок, в спину и снова в бок. На первом ударе она вскрикнула болезненно и остро, на втором захрипела, на третьем он швырнул ее на землю, и она не издала ни звука.